

В воскресенье Тан Юйхуэй разбирал вещи Кан Чжэ, перевезённые из Кандина. Кан Чжэ не было дома. В последнее время он часто отсутствовал, словно занимался чем-то важным вместе с друзьями из той студии, где раньше помогал. Тан Юйхуэй, уже напуганный его выходками, настоятельно просил Кан Чжэ больше никогда не совершать спонтанных поступков — не покупать дом, не проронив ни слова.

Вещей у Кан Чжэ было немного. Когда они последний раз ездили в Кандин, на обратном пути багажник машины даже не заполнился. Одежда и предметы первой необходимости — то, о чём Маленький принц Кхама не стал бы беспокоиться. Кан Чжэ привёз с собой всего несколько вещей — сплошь чёрные куртки. Они так сиротливо висели в шкафу, что даже Тан Юйхуэю, который ненавидел ходить по магазинам, захотелось пойти и купить своему парню полный шкаф новой одежды.

Зато всякой всячины у Кан Чжэ набралось несколько коробок. Когда Тан Юйхуэй перетаскивал их, он мельком заглянул внутрь, но так и не понял, что там. В последнее время Кан Чжэ и вправду был очень занят: уходил рано, возвращался поздно. Тан Юйхуэй как раз закончил проект и был в отпуске, поэтому решил помочь Кан Чжэ с вещами.

Вчера вечером за ужином Тан Юйхуэй с некоторой нерешительностью спросил, может ли он помочь разобрать вещи. Кан Чжэ, потягивая суп, поднял глаза и, подумав, ответил: «Можно». Однако, сказав это, он усмехнулся. Тан Юйхуэй давно не видел у него такой улыбки: словно у озорного мальчишки, довольного своей шалостью. Кан Чжэ посмотрел на Тан Юйхуэя и медленно, растягивая улыбку, добавил:

— Только не злись на меня вечером.

Эта улыбка заставила сердце Тан Юйхуэя замереть от страха и трепетать от любопытства. Мысли о том, что там за вещи у Кан Чжэ не давали ему покоя всю ночь, и утром, как только Кан Чжэ ушёл, Тан Юйхуэй выбрался из постели и быстро направился в кабинет, где стояло несколько больших коробок. Тан Юйхуэй открыл первую и начал с любопытством разглядывать содержимое. Что это вообще такое?..

Гаечный ключ со следами машинного масла, удостоверение донора крови, камень в форме полумесяца, корешок билета с концерта, леска от воздушного змея, маленький прозрачный пакетик с голубиным кормом, белый хадак, рубашка со следами крови и даже... проигрыватель пластинок.

Тан Юйхуэй в полном недоумении выкладывал гору вещей, которые нельзя было назвать ни хламом, ни сокровищами. Казалось, за каждой из них стояла целая история, но в то же время их владелец, похоже, не слишком ими дорожил — всё было свалено в кучу, некоторые предметы даже деформировались. Тан Юйхуэй предположил, что эти вещи были частью прошлой жизни Кан Чжэ, но тот не был похож на человека, который стал бы прилагать усилия, чтобы хранить предметы ради воспоминаний.

Подавив возникшие вопросы, Тан Юйхуэй аккуратно сложил все эти странные находки, а затем вскрыл другую коробку, поменьше. Картон легко поддался острому ножу. Увидев содержимое, Тан Юйхуэй замер.

Вещи в этой коробке тоже были сложены не слишком аккуратно, но не так хаотично, как в первой. А самое главное — многие из них были даже не распакованы. Коробка, похожая на упаковку от шоколада; CD-диск, всё ещё запечатанный в плёнку; покрытые пылью кроссовки в коробке; вязанный тёмно-синий шарф... и множество, множество нераспечатанных писем.

Теперь Тан Юйхуэй понял, почему Кан Чжэ с загадочной улыбкой просил его не злиться. Ревности он не почувствовал, скорее, был удивлён, что Кан Чжэ вообще сохранил все эти подарки.

Солнечные лучи, такие же невесомые, как танцующие в них пылинки, наполнили кабинет, где на полу сидел Тан Юйхуэй. Его пальцы легко скользнули по поверхности подарков — нетронутых, когда-то подаренных со всей душой, — и ему показалось, что он чувствует живое тепло за ледяной бронёй Кан Чжэ. Наверняка Кан Чжэ отказывал всем с холодным безразличием, будто ему было всё равно. Но если такие вещи, которые нельзя было вернуть, всё же попадали к нему в руки, он их не выбрасывал. Поистине, божество, стоящее по ту сторону любви и нелюбви к этому миру.

Поверх всех этих погребённых под пылью знаков внимания лежала одна прекрасно сохранившаяся книга. Чистая, она аккуратно покоилась на самом верху, так что Тан Юйхуэй увидел её, как только открыл коробку. Это был тот самый сборник чилийской поэзии, стихи из которого он читал Кан Чжэ на склоне холма.

Уезжая, Тан Юйхуэй оставил Кан Чжэ много книг. Когда они в прошлый раз вернулись в Кандин, он заметил, что Кан Чжэ прочёл их все до единой — они лежали стопкой в углу его комнаты. Но похоже, только эту книгу Кан Чжэ упаковал в коробку и привёз с собой.

Когда-то Тан Юйхуэй самонадеянно читал Кан Чжэ на другом языке те сокровенные, полные скрытого смысла строки, которые хотел ему сказать, полагая, что Кан Чжэ никогда не поймёт их истинного значения. Мягко коснувшись позолоченной обложки, Тан Юйхуэй горько усмехнулся. Но разве Кан Чжэ мог не понять?

Он достал из коробки единственную книгу, явно зачитанную до дыр, собираясь поставить её на полку. Но, потянувшись к верхнему ярусу, Тан Юйхуэй потерял равновесие. Рука дрогнула, и сборник, со стуком упав, раскрылся на случайной странице.

Тан Юйхуэй встревоженно присел на корточки, чтобы проверить, не повредилась ли книга, но, взглянув на неё, замер. Между страниц лежал засохший лист гинкго. Лист уже подёрнулся коричневым и совсем не походил на себя прежнего — когда-то, ещё на ветке, он был частью целого моря сияющего золота.

Этот лист гинкго Кан Чжэ использовал как закладку. Тан Юйхуэй осторожно взял его кончиками пальцев и перевернул. В правом нижнем углу Кан Чжэ аккуратно вывел ручкой дату. Присмотревшись, Тан Юйхуэй разобрал цифры: три года назад, осень. Как раз тогда Тан Юйхуэй, спустя год после отъезда из Кандина, только поступил в аспирантуру. Почему Кан Чжэ сохранил в книге стихов именно этот лист? И почему именно гинкго?

Тан Юйхуэй растерянно вложил лист обратно в книгу, прижал её к груди и, сидя на полу, на некоторое время погрузился в мысли.

Вернувшись вечером домой и закрыв дверь, Кан Чжэ намеренно замешкался у порога: он присел на корточки и принялся развязывать шнурки. Однако даже за эти три-четыре секунды промедления — действие, которое в обычной ситуации он поленился бы сделать, — Тан Юйхуэй, вопреки своей привычке, не выбежал его встречать. Брови Кан Чжэ едва заметно дрогнули. «Да не может быть. Неужели правда обиделся?»

Кан Чжэ целый день занимался ремонтом в студии и был измотан и физически, и морально, но, вздохнув, пошёл в гостиную. Та была ярко освещена, на обеденном столе стояла тарелка с дымящимся супом. Тан Юйхуэй сидел, свернувшись калачиком на диване, и читал книгу, поджав под себя босые ноги.

Тёплый свет торшера мягко окутывал комнату. Кан Чжэ подошёл и нежно, но ощутимо, провёл рукой по его волосам:

— Надень носки.

Тан Юйхуэй промычал: «Угу», оторвался от книги и, быстро взглянув на Кан Чжэ, побежал в спальню за носками. Вернувшись, Тан Юйхуэй снова метнул взгляд на Кан Чжэ, но тут же отвернулся, делая вид, что продолжает читать. Однако его взгляд беспокойно блуждал, и было непонятно, на что он на самом деле смотрит.

Кан Чжэ, позабавленный этим зрелищем, почувствовал, как усталость улечивается. Набравшись терпения, он обошёл диван, присел перед Тан Юйхуэем и с загадочной улыбкой спросил:

— На что это ты смотришь?

Тан Юйхуэй понял, что притворяться дальше бессмысленно. Он с подчёркнуто серьёзным видом отложил книгу и, сделав строгое лицо, заявил:

— Я хочу задать тебе один вопрос.

Кан Чжэ снова усмехнулся. Улыбка смягчила его черты, в выражении лица появилось что-то расслабленное и немного обречённое. Он решил признаться первым:

— Я не хранил их специально, но если уж они у меня остались, я просто не знал, как их выбросить.

Тан Юйхуэй секунды две переваривал сказанное, а потом растерянно ответил:

— Я не злюсь.

Вот теперь Кан Чжэ по-настоящему заинтересовался. Он сменил позу и, вскинув бровь, спросил:

— О чём тогда ты хотел спросить?

Тан Юйхуэй, едва не сбитый с толку, после паузы решительно поднял глаза:

— Почему ты положил лист гинкго в мою книгу?

Теперь настала очередь Кан Чжэ замереть на мгновение. Выражение его лица слегка изменилось, взгляд сфокусировался. Лишь тогда он, словно только что вспомнив, протянул:

— А-а-а, ты про это.

***

В сентябре, три года назад, Кан Чжэ, едва вернувшись в гостиницу из уездного центра, получил звонок от человека, которого не видел вечность. Кан Чжэ бросив взгляд на экран, на секунду удивился, но всё же безэмоционально провёл пальцем по экрану и ровным голосом сказал в трубку:

— Слушаю.

На том конце провода раздался жизнерадостный и гулкий голос:

— А-Чжэ, ты всё такой же непрístupный! Слушай, мы же не общались целую вечность!

Поскольку собеседник его не видел, Кан Чжэ едва заметно улыбнулся, но тон его ничуть не изменился. Всё так же безразлично он спросил:

— Ты разве не занят?

— Занят конечно! — собеседник тут же стал ещё более эмоциональным. — Но как бы я ни был занят, я должен был тебе позвонить! Угадаешь почему?

Кан Чжэ прикрыл глаза и спокойно отвёл телефон от уха. Палец завис над красной кнопкой. Теперь он вспомнил, почему никогда сам не звонил этому человеку. Мощный мужской голос на том конце провода резко повысился:

— Не вешай трубку, погоди! Есть серьёзное дело! Ай, да сдался ты мне...

Кан Чжэ из уважения снова приложил телефон к уху и холодно спросил:

— Что за дело?

Звонивший наконец утомился и, сникнув, пробормотал:

— Я женюсь. Ты же сам, когда я уезжал, сказал, чтобы я звал тебя только на свадьбу или на похороны.

Кан Чжэ замолчал, а затем с толикой идеально отмеренного любопытства спросил:

— Ты и вправду женишься?

Мужчина на том конце провода гулко рассмеялся, и в его смехе послышалась нотка бессознательной застенчивости:

— Ага. Встретил ту самую — вот и женюсь. Не думал, что и правда встречу.

Кан Чжэ искренне рассмеялся:

— Что ж, поздравляю.

Звонившим был хозяин автомастерской в Шэньчжэне, где когда-то работал Кан Чжэ, — уроженец Синина, с которым он был знаком много лет. Кан Чжэ встретил его в Цинхае, когда тот, путешествуя на своей машине, застрял на горной дороге. Помощь была пустяковой, но, несмотря на некоторые шероховатости, их знакомство с натяжкой переросло в дружбу людей разных поколений: между ними была разница в семь-восемь лет. Изначально Кан Чжэ согласился поехать в Шэньчжэнь именно для того, чтобы помочь ему. Когда Кан Чжэ уезжал, оба думали, что он, скорее всего, больше никогда не вернётся. Но годы прошли, да и обещание было дано им самим, поэтому Кан Чжэ решил, что съездить один раз — не такая уж и большая проблема.

— Когда свадьба? — Кан Чжэ вновь ощутил какое-то волнение и, к своему удивлению, с интересом поддразнил: — Никогда бы не подумал, что ты и вправду женишься.

Хозяин, видимо, тоже немного смутился и промямлил:

— Полюбил — вот и всё. Ничего особенного. Свадьба в конце следующего месяца, в Пекине. Если приедешь, я пришлю за тобой машину.

Пальцы Кан Чжэ, лежавшие на телефоне, едва заметно замерли, а голос неувлимо понизился на тон:

— Почему в Пекине?

Хозяин весело хмыкнул:

— Моя жена из Пекина. Как она скажет, так и будет.

Кан Чжэ помолчал, собираясь сказать, что ему нужно подумать, но хозяин уже в своей бесцеремонной манере в одностороннем порядке всё решил и повесил трубку.

Кан Чжэ пару секунд молча смотрел на погасший экран телефона. Он подумал, что перезванивать и что-то объяснять будет слишком хлопотно, да и его непременно спросят о причине, а объяснить причину он не мог. За столько лет знакомства он привык, что хозяин всегда был таким — не церемонился и нёс всякую чушь. Но сейчас, отложив телефон, Кан Чжэ почему-то никак не мог выкинуть из головы одну его, казалось бы, незначительную фразу: «Ничего особенного». Так и есть. Кан Чжэ рассеянно усмехнулся, достал телефон, забронировал билет на самолёт и, отправив информацию другу, сел на мотоцикл и уехал.

За день до вылета в Пекин Кан Чжэ, что было для него редкостью, снова отправился в горы. Он и гора Гунгашань молча смотрели друг на друга. Прислонившись к холодной пихте, он выкурил сигарету.

Кан Чжэ уже много лет не покидал пределов своей провинции. В аэропорту он бывал, только когда кого-то встречал или провожал, но сам внутрь не заходил. Он небрежно припарковал мотоцикл у дороги и отправил отцу сообщение с просьбой при случае забрать его. Перед тем как войти в здание аэропорта, Кан Чжэ поднял голову и ещё раз взглянул на далёкие снежные вершины.

Кан Чжэ усмехнулся и с деланой беззаботностью произнёс: «Ты отпускаешь меня?» Вдали величественно и безмятежно возвышалась гряда белых, как облака, вершин. Игривый блеск исчез из глаз Кан Чжэ, уступив место более глубокой, осмысленной улыбке. «Шучу. Какая разница, где быть».

Сойдя с самолёта, Кан Чжэ отказался от предложенной встречи и отправил другу сообщение, в котором посмеялся над этой бессмысленной показухой. Но после того, как Кан Чжэ добрался до отеля и немного отдохнул, хозяин всё равно приехал, и они поужинали вдвоём.

Свадьба оказалась не такой пышной, как можно было ожидать, но очень трогательной. Кан Чжэ сидел один за ближайшим к новобрачным столиком. Его уединённость бросалась в глаза, но не создавала ощущения диссонанса с праздником. Он убрал свою обычную холодность и ауру «Не подходи» и, тихий и спокойный, стал благожелательным фоном для бесчисленных поздравлений. Ему не было скучно: он даже ощущал, как его заражает это мирное, спокойное счастье.

Когда жених и невеста подошли к его столику, чтобы произнести тост, невеста, увидев Кан Чжэ, изумлённо ахнула. Кан Чжэ улыбнулся. Невеста с притворным укором взглянула на жениха, укоряя: почему он не сказал ей, что у него есть такой красивый друг?

На лице жениха отразилась полная беспомощность. Кан Чжэ поднял бокал, отсалютовал им, одарил обоих своей обезоруживающей и чарующей улыбкой и произнёс:

— Желаю вам счастья!

После свадьбы Кан Чжэ не остался на другие мероприятия. Ночных рейсов на высокогорье не было, так что ему пришлось купить билет на следующее утро.

Время едва перевалило за полдень, и Кан Чжэ, оставшись один, совершенно не знал, чем заняться. Выйдя из отеля, он сощурился от тусклого жёлтого солнца. Осень — лучшее время года в Пекине. Ничто не в силах остановить увядание, но она величественна и прекрасна.

Кан Чжэ, маясь от безделья, немного постоял на солнце и вдруг подумал, насколько очевидно он пытается избежать чего-то. Мысль показалась ему немного забавной. «Зачем отказываться? Ничего ведь не случится. Это же не такое уж и важное дело. Какой смысл так упираться? Если я всё равно подсознательно об этом думаю, может, стоит просто отпустить ситуацию?»

Кан Чжэ посмотрел маршрут и поехал на метро в университет Тан Юйхуэя. Он и правда не планировал ничего особенного, просто хотел скоротать время. Посмотреть на университет Тан Юйхуэя было всяко осмысленнее, чем бесцельно слоняться по Сиданю [1].

[1] Сидань — улица и район, расположенные в Пекине, известные благодаря большому сосредоточению торговых центров и супермаркетов.

Знаменитые университеты, по сути, те же туристические достопримечательности, так что Кан Чжэ без проблем прошёл на территорию. Он подошёл к двум девушкам, ждавшим у ворот доставку еды, и спросил, как пройти на факультет физики. После того как его радушно и настойчиво попросили добавить их в друзья, Кан Чжэ, ступая по ковру из золотых листьев гинкго, пошёл вглубь кампуса, туда, где краски осени сгущались и наливались багрянцем.

Однако до здания факультета он так и не дошёл — у входа в библиотеку он увидел Тан Юйхуэя. Кан Чжэ сразу определил, что Тан Юйхуэй пришёл сюда не заниматься: в руках у него ничего не было. Он просто стоял на длинных белых ступенях у входа и отрешённо смотрел вдаль. Наверное, кого-то ждал.

Кан Чжэ встал на таком расстоянии, чтобы его было трудно заметить, и некоторое время издалека разглядывал Тан Юйхуэя, размышляя о том, что вещи, которые называют судьбой и случайностью, и впрямь устроены невероятно тонко. Однако его восторги сменились трезвой мыслью: судьбе незачем было прилагать столько усилий ради него, потому что он сам бы палец о палец не ударил ради такого.

Тан Юйхуэй простоял без движения почти десять минут. За последнее время терпения у Кан Чжэ прибавилось, так что он тоже остался на месте, испытывая редкое любопытство к типичному для Тан Юйхуэя поведению.

Пронизывающий осенний ветер шуршал листьями, по кампусу гуляли люди. Тан Юйхуэй так

долго не доставал телефон, чтобы проверить сообщения, что Кан Чжэ предположил — ждал он всё-таки не человека. Кан Чжэ так и стоял на месте, молча наблюдая за ним, пока из библиотеки не хлынула толпа народа. На дорожках стало людно — видимо, закончились пары, и все пошли на обед. Тан Юйхуэю стало неудобно преграждать путь, и он двинулся вместе с потоком наружу. Длинноволосая девушка догнала его, остановилась за спиной, сделала глубокий вдох и только потом с улыбкой поздоровалась, назвав его старшим. Они даже прошли мимо той тропинки, где стоял Кан Чжэ. Лист гинкго упал Тан Юйхуэю на плечо, но тут же был отброшен ветром на землю.

Кан Чжэ подождал немного и пошёл против потока людей к библиотеке. Двигаясь навстречу толпе, он шёл медленно и привлекал немало взглядов. Когда он поднялся на те самые ступени, где только что стоял Тан Юйхуэй, ему показалось, что его даже пару раз украдкой сфотографировали. Но Кан Чжэ не обратил на это внимания: ему было куда интереснее узнать, на что же так пристально смотрел Тан Юйхуэй.

Тот, видимо, и впрямь был тем умным и выдающимся человеком, каким себя описывал. Его университет был огромным, просторным, словно вмещавшим в себя множество красивых и грандиозных мечтаний — местом, которое по праву можно было назвать прекрасным.

Кан Чжэ предположил, что Тан Юйхуэй, стоя на ступенях библиотеки, смотрел на осенние пейзажи кампуса. Кан Чжэ рассчитывал испытать то же, что и он, но, встав на то же место и окинув взглядом окрестности, обнаружил, что Тан Юйхуэй смотрел вовсе не на осенние красоты, достойные того, чтобы задержать на них взгляд, а на самый обычный, ничем не примечательный уголок повседневной жизни. Вдали, помимо отблесков заката и золотого света, льющегося с небес, виднелось лишь багровое тяжёлое облако, медленно плывущее над крышами высоких зданий. Кан Чжэ тоже посмотрел на это облако, но его терпения не хватило надолго. Он спустился со ступеней, машинально подобрал золотой лист гинкго, сунул его в карман и направился к выходу с территории кампуса.

Три года спустя этот давно потемневший, хрупкий от времени лист, зажатый между страниц сборника стихов, словно улика прошлых лет, был найден Тан Юйхуэем, который теперь требовал объяснений.

Кан Чжэ не был настроен на сантименты и решил пресечь эту романтику на корню. Вместо ответа он прижал Тан Юйхуэя к дивану, зубами потянул вниз бегунок молнии, запустил руку под мягкий хлопок его домашней одежды и солгал с такой искушённой дерзостью, что спорить было бесполезно:

— Не спрашивай. Я уже не помню.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130205>